

Такого наэлектризованного любовью зала, как на спектакле «Стулья» Ионеско в исполнении Сергея Юрского и Натальи Теняковой, в Петербурге не видели давно. Зрители всегда любили эту актерскую пару особой любовью. Может быть, еще и за то, что их дуэт, в котором они звучат как эхо друг друга, — вызов всем разрывам и распадам времени. У Юрского есть стихотворение, которое называется «Абсурд есть норма бытия». Может быть. Но только не того бытия, в котором он существует.

— Когда-то вы уехали из Ленинграда, теперь вот возвращаетесь в Санкт-Петербург. Что изменилось в ваших отношениях с городом?

С.Ю.: — Мне очень тяжело сюда возвращаться. Потому что здесь для меня всегда оставалось слишком много долгов и обязательств. Неприятности родных и близких мне людей всегда огромным грузом наваливались на меня. Кроме того, здесь я очень много времени провожу на кладбищах. Это грустно. Но этой весной у нас были исключительные дни. Мы сыграли «Стулья» в Театре комедии на Невском — какие были зрители! Какой был зал!

С.Ю.: — Никогда не ощущал так театр.

Н.Т.: — Тюрьма разве что только в том смысле, что очень трудно оттуда уйти, когда попадаешь. Очень мало кто может покинуть театр по доброй воле. Мы всегда были очень привязаны к нему. Цепями... Сегодня молодежь свободнее нас, не боится ничего: уходит, возвращается, снова уходит... Мы — боялись. Годами сидели на насиженных местах. Теперь — совсем иная жизнь.

— На Международном Чеховском фестивале, который проходил недавно в Москве, Питер Брук признался: «Театр перестал

Сергей Юрский — Наталья Тенякова: СЕМЬЯ, ГДЕ ССОРА ПОТУХАЕТ В ШУТКЕ

— Всю жизнь вы посвятили актерской профессии. Тема артиста, артистизма, творчества — для вас особая. Не случайно Юрский сыграл Мольера, Тенякова — Арманду Бежар...

Н.Т.: — Да, а теперь вот во МХАТе я уже играю Мадлену Бежар...

— Об этой профессии — волшебной, пленительной, ужасной — вы теперь знаете все. Изменилось ли за эти десятилетия ваше отношение к ней?

С.Ю.: — Мое отношение к профессии ничуть не изменилось. Уточнились критерии. Сегодня многие, называющие себя актерами, на самом деле ими не являются. Потеряны эталоны, утрачены критерии мастерства... Мне кажется, что я их знаю и каждый день пытаюсь укреплять себя в своем деле.

— Я думала, что вы раз и навсегда «укрепили» себя в нем еще в шестидесятые годы, когда совсем молодым стали «звездой» театра и кино...

С.Ю.: — Я никогда не жил прошлым. Разумеется, оно для меня существует — это важнейшая категория человеческой жизни. Но когда критики сегодня все время оглядываются в шестидесятые и пытаются настоящее поверять теми легендами... Мне это смешно! Мы живем сегодня, в девяностые годы, и надо иметь мужество это осознать. И повторять: каждый день укреплять себя в профессии. Тренинг, правильное распределение нагрузок... Кроме того, сейчас нашу профессию приходится защищать. Раньше этого не требовалось.

— Разве профессия актера нуждается в защите?

С.Ю.: — Нуждается в том смысле, что подлинное нужно отличать от неподлинного. Сегодня театрами, актерами, спектаклями прикидываются очень многие — в том числе и те, кто ими не являются. Сегодня стало важно уметь отличить искусство театра от не-театра.

Н.Т.: — А профессия наша осталась все той же. Она всегда сулила массу неожиданностей. В ней всегда огромную роль играл случай, ну и, разумеется, умение работать, до конца использовать этот случай. У меня был гениальный учитель, который научил меня работать: Борис Вульфвич Зон. Сегодня многие актеры работают, да без толку. Посмотришь на иных артистов сегодня: молодая, красивая, но — глупая! И такая леность души! Не обучена, не знает приемов: как сохранить индивидуальность, как разбавить душу и выпустить из нее то, что необходимо для роли.

— В пьесе Тенесси Уильямса «Крик» актеры, брат и сестра, такая бродячая труппа, говорят: «Театр — это тюрьма». Вы готовы с этим согласиться?

меня интересовал, как прежде. Куда важнее понять ход жизни, суть вещей...

С.Ю.: — Я удивляюсь такой фразе Брука... Это пространство — театральное — самое прекрасное пространство! Оно вполне достаточно для того, чтобы поместить там «весь мир» и обнаружить в нем и ход жизни, и суть вещей. Я болезненно отношусь к современным попыткам сломать это пространство, поменять всех местами: сцену и зал, актеров и зрителей. Это — нарушение конвенции. Я бесконечно верю в сцену-коробку и в зрителя, сидящего в зале, за чертой рампы. Такое древнее решение, традиционное устройство театрального пространства — бездонно, как семь нот в гамме. И оно не утратило ни своих надежд, ни своих перспектив.

— Сергей Юрьевич, вы уже много лет — и даже десятилетий — читаете Пушкина. Вы как-то признавались, что читали Пушкина, когда прогуливали колеску со своей маленькой дочкой. Сегодня Даша выросла и стала актрисой. Но она живет совершенно в другой стране, в новой реальности. Как вы считаете, совместимы ли «Евгений Онегин» и новая русская реальность с ее идеологией капитализма?

С.Ю.: — Интересный вопрос! И у меня случайно готов на него ответ. Я об этом думал. Мне кажется, что пушкинская эпоха и культура заканчиваются. И закончатся они, видимо, как раз к 200-летию со дня рождения поэта.

В России возникла новая шкала ценностей, противоположная той культуре, которая начиналась с Пушкина. Эта культура существовала в России независимо от политической погоды на дворе. Пушкин был свой, родной, с него все начиналось: в том числе и тот язык, на котором мы говорим. Вернее, говорили. Сейчас он меняется. Меняется язык, становится иной шкала ценностей... Рыночная психология — несовместима с Пушкиным. Для людей, которые рождаются в конце этого века, Пушкин уже будет древний поэт, как Ломоносов, как Державин.

— Великий русский актер Михаил Чехов оставил в своем «Ли-

тературном наследии» философию и технологию актерской игры. Но семья, как и игра, — тоже великое и древнее изобретение человечества. Род, древо жизни... Если бы взялись писать книгу о семье, об искусстве семьи, какие правила вы бы вписали туда прежде всего?

С.Ю.: — Я бы не взялся писать ничего цельного. В семье присутствует все: любовь, долг, секс, обязательства. Но я бы прежде всего сказал, что рассматриваю долг не как скучное обязательство, а как одно из интереснейших дел моей жизни. Осуществление долга перед семьей, родными есть творчество. Это чрезвычайно интересно: соблюдать долг. Перед своими близкими, равно как и перед самим собой. Где-то мне попалась фраза: «желание переложить на других свои заботы есть варварство». Я с этим абсолютно согласен. Варвары ведь и воевали не из любви к войнам, но чтобы, покорив других, заставить кого-то все за себя делать. А выполнение долга есть признак цивилизации.

К семье я отношусь прежде всего как к прелести долга. Это как в театре, где существует прелесть подчинения чужой воле, воле режиссера. Но если в этом нет любви и творчества, тогда это действительно становится рабством, скучной обязанностью.

Настоящая семья и долг перед семьей — есть творчество.

Н.Т.: — В семье не обязательно иметь общие вкусы, но общие интересы — они должны быть. Семья — это общие шутки. Юмор спасает. Очень многие семьи гибнут из-за отсутствия юмора. У нас в семье ссоры потухают только в шутках.

— В «Стульях» герой Юрского говорит своей партнерше: «Я был влюблен в вас тысячу лет. Вы так переменились, и ничто не изменилось в вас». Что переменилось в каждом из вас за эти годы и что осталось неизменным?

С.Ю.: — В этой фразе Ионеско — поразительное сочетание намеренности и нежности. Действительно, многое меняется с годами, но он же узнал ее сразу! Ему сразу в сердце кольнуло: это — она! Значит, ничего не меняется...

Н.Т.: — У Юрского за эти годы прибавилось седых волос и горечи. Но в нем не переменялось главное: его честное отношение к людям, к театру, к своему собственному таланту. Его он никогда не предаст и не продаст.

— «Я маршал этого дома!» — постоянно повторяет Юрский в «Стульях». А кто маршал вашего дома?

Н.Т.: — Ну конечно, Юрский наш маршал. Генералиссимус. Все глобальные вопросы нашей жизни решает он. Он ведет внешней политикой дома. А на мне — внутренняя политика: куда поехать отдыхать, в какую школу отдать ребенка.

— Трудно быть маршалом дома, Сергей Юрьевич?

С.Ю.: — Тенякова просто ленится заниматься внешней политикой. Она больше любит лежать на диване и читать книги. А я вот — хожу по спектаклям, фестивалям, веду «международные» связи дома.

— Как вы думаете, наследуются ли отношения родителей и детей в поколениях? Ваши отношения с родителями как-то напоминают сегодня ваши отношения с дочерью?

С.Ю.: — Как я замечаю, да. Наследуются. Хотя я знаю, к сожалению, и семьи, где наследуются и принципиальное неприятие поколений.

Н.Т.: — Я очень рано потеряла маму. Я уже пережила ее по возрасту. Мне потом ее очень долго не хватало. Мы страшно рано с ней расстались. Она многое не успела мне рассказать, многому научить. С Дашей у меня дружеские, очень доверительные отношения. Она совсем другая по характеру, чем я. Она сильнее меня.

— Самые главные встречи в вашей жизни?

Н.Т.: — Зон. Юрский. Дочь — рождение дочери. Это то, что мне послано Богом. Если бы этого не было? Ничего не было бы... Все остальное в жизни я заслужила трудом, все остальные успехи зависели от меня, моих усилий. Товстоногов, театр, роли...

— Какая из жизненных ролей труднее: родительская или сыновья?

С.Ю.: — Теперь я уже могу сказать, что сыном быть труднее, чем отцом. В моем возрасте, с годами,

очень сильно ощущаешь вину перед родителями, и это, увы, непоправимо.

— Вы рано заглянули в старость, в другое, особое время человеческой жизни. Юрский еще в молодости переиграл всех стариков в БДТ, вы сыграли комическую пару стариков в фильме «Любовь и голуби», теперь вот — «Стулья».

С.Ю.: — Вы хотите спросить: совпадает ли то, что я играл про старость, с тем, что я чувствую сегодня, когда она приходит?

— Конечно же, нет! Не думаю, что ей когда-нибудь удастся догнать вас...

С.Ю.: — Когда нас приглашают куда-нибудь со спектаклем, умоляют: приезжайте! Мы посмотрим, как вы постарели!

— Это форма закамуфлированного признания в любви. На самом деле зрители идут посмотреть, как вы не стареете. А мой вопрос таков: что вы поняли про старость, играя это время жизни на сцене?

С.Ю.: — Это время интересное. Оно даже интереснее молодости. Сравниваю свои ощущения с размышлениями знаменитых людей, которые всерьез думали на эту тему. Эйнштейн говорил: «Когда у меня угаснет сексуальная энергия, я покончу с собой, потому что тогда я уже не смогу сочинять». То есть все дело в творческом потенциале. Зощенко полагал, что сила ума может менять ситуацию. Бывает даже, что происходит омоложение в старости. И Гете размышлял, что же это такое — омоложение человека, связанное с его деятельностью. Они все были люди умные и печаль старости чувствовали при этом очень остро. Или тот же Ионеско: его все время преследовал страх смерти, и он все время в своих пьесах описывал смерть...

Н.Т.: — Я очень завидую красивой старости. Без брызжания. Во МХАТе, где я работаю, есть замечательная актриса Софья Пилыцкая. Сколько в ней жизни! Я думаю, что сохранить в себе молодость — это чего-то хотеть. Причем хотеть очень многого и невероятного. Сколько сейчас стариков среди молодых, они ничего не хотят!

— Театральный критик В. Гавевский писал: «Место Юрского в БДТ пустует. Не уверен, мог бы занять его сам Юрский сейчас». Что вы думаете об этом?

С.Ю.: — Хорошие театральные вещи — спектакли, актеры, роли, — как и хорошая поэзия, хорошая литература, к фразе «незаменимых нет» отношения не имеют. Вообще-то Товстоногов всегда ставил на один состав. А если и говорил: «У меня незаменимых нет», то мне кажется, что это были только слова. Немногочисленные попытки меня заменить ему не удавались. Когда он пытался ввести Рецеттера на роль Чацкого, я его просил не делать этого. Я редко об этом просил, но тогда просил... И что?.. Ничего из этого не вышло. Или когда он пытался заменить Смоктуновского в князе Мышкине... Было, да не было. Я и сам сегодня признаю в спектакле только один состав. Когда уходит принципиальный артист из моего спектакля, я предпочитаю расстаться со спектаклем, но не менять артиста.

— Сергей Юрьевич, вы играли с большими, можно сказать — с великими актрисами нашего театра: Раневской, молодой Татьяной Дорониной, Ольгой Яковлевой и, конечно, с Теняковой...

С.Ю.: — Только непременно поставьте в этот ряд Эмму Попову и Зинаиду Шарко.

— Да, разумеется. У вас, наверное, сложился образ идеальной партнерши?

С.Ю.: — Я думаю, что этими именами все сказано. Правда, за исключением Фаины Георгиевны Раневской. Она не была партнершей. Она была великой солисткой. Но это было настолько интересно, что было уже и неважно...

Беседовала
Ольга СКОРОЧКИНА.
Фото ИТАР-ТАСС.
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ.

Юрский и Тенякова

12.04.96